

Ассиро-вавилонский эпос. Переводы с шумерско-го и аккадского языков В. К. Шилейко / Изд. подгот. В. В. Емельянов. Отв. ред. И. М. Стеблин-Каменский. СПб.: Наука, 2007 г. (серия «Литературные памятники»)

Вероятно, в любой сфере культуры существуют свои «утраченные сокровища», постепенно превращающиеся в легенду — в немалой степени именно потому, что они были или считались утраченными. Одной из таких легенд, своего рода «Янтарной комнатой», для российской ассириологии и истории русского серебряного века, уже ко временам юности моего поколения стал «Ассиро-Вавилонский эпос» (далее АВЭ) профессора Ленинградского университета В. К. Шилейко — огромный свод выполненных им переводов месопотамских текстов, сданный когда-то в советскую печать и с тех пор, казалось, невосстановимо утраченный. Для всякого, кто был знаком с жизнью, научными трудами и поэзией В. К. Шилейко, было ясно, что этот свод должен быть замечательным синтезом научного и поэтического начал, хотя подобный симбиоз ассириолога и поэта в переводчике не всегда и не во всем обещал быть совершенно непротиворечивым и мог отозваться отдельными неточностями перевода (что и неудивительно, учитывая трудность стоявших перед В. К. Шилейко задач, не только научных, но и художественных). Значение этого труда в то время, когда он готовился, было исключительным и многообразным: это было и крупное достижение науки, и значительный поэтический успех одного из ярких представителей русского серебряного века, и, наконец, исключительно важный опыт вживания русской культуры в культуру иную, выражение иной культуры средствами русского слова, образного и понятийного кода — опыт тем более ценный, что осуществил его человек, который был одновременно и блестящим специалистом по этой иной культуре, и незаурядным творцом культуры отечественной.

За десятилетия, в которые труд В. К. Шилейко не доходил до читателя, значение его не могло не меняться. Собственно научная, ассириологическая, его важность несколько снизилась: наше знание языков и культуры Месопотамии за столетие значительно ушло вперед, многие тексты, переведенные В. К. Шилейко, успели получить более точные переводы, в том числе и русские. Зато добавились два новых «измерения» АВЭ, не существовавшие для современников Шилейко, но придающие ему еще большую ценность для нас. Во-первых, ныне АВЭ — это еще и яркая страница истории отечественной ассириологии в «героическую» эпоху ее существования и в самый бурный и драматический период бытия российской науки, когда стоял вопрос о самом ее выживании (включая простое

физическое выживание ее носителей: обсуждаемый труд Шилейко был сдан в печать в 1920 г.). Во-вторых, если в те времена АВЭ способствовал диалогу двух культур — собственной культуры читателя и переводчика с культурой месопотамской, то для нынешнего читателя АВЭ связывает уже три культуры — современную российскую культуру, носителем которой является сам читатель, культуру русского серебряного века, видным деятелем которой был переводчик, и месопотамскую культуру. Уникальную важность такого опыта трудно переоценить.

К сожалению, ни отечественной ассириологии, ни отечественному книгоизданию в течение почти столетия не хватало возможностей опубликовать АВЭ. Его рукопись была сдана в издательство «Всемирная литература» в 1920 г., но издательство вскоре перестало существовать, автор рукописи умер (1930), а сама она со всеми вносившимися в нее исправлениями оказалась бесследно затеряна издательствами. В семье В. К. Шилейко до 2004 г. хранилась папка с машинописным экземпляром рукописи (вторая копия) — все, что оставалось от АВЭ. Отдельные переводы по этому экземпляру публиковались в сборниках «Всходы вечности» (М., 1987, подготовил Вяч. Вс. Иванов) и «Через время» (М., 1994, подготовил А. В. Шилейко), но большая часть текстов корпуса так и оставалась неизданной. Лишь В. В. Емельянову (не в последнюю очередь благодаря достигнутому им прочному и плодотворному сотрудничеству с А. В. Шилейко) удалось вернуть АВЭ отечественному читателю — почти через 90 лет после сдачи его в печать. Изданные рукописи В. К. Шилейко стало, таким образом, памятником двум эпохам — эпохе создания переведенных текстов (древняя Месопотамия III–I тыс. до н. э.) и эпохе, когда жил сам переводчик (русский серебряный век).

Текст рукописи «Ассиро-вавилонского эпоса» состоит из 503 машинописных листов. Из дневников П. Н. Лукницкого известно, что под диктовку Шилейко писала от руки А. А. Ахматова. Машинисткой была, вероятно, его третья жена В. К. Андреева-Шилейко. Содержание рукописи не соответствует ее заглавию: помимо эпических произведений, в ее составе также есть заклинания, молитвы, предсказания, погребальные песнопения, фрагменты ритуалов и царские надписи. Сама рукопись имела следующие особенности, иногда создающие серьезные затруднения для издателя и комментатора: 1) отсутствовала четкая композиция и рубрикация книги; 2) многие тексты были переведены только фрагментарно, со значительным количеством пропусков (что объясняется отсутствием в то время полных изданий автографии и транслитерации самих переводимых текстов); 3) все тексты — как прозаические, так и ритмизованные — были пе-

реведены как поэтические произведения; 4) лишь в некоторых случаях переводам текстов были предпосланы краткие вступления; 5) отсутствовал комментарий; 6) переводы некоторых текстов содержали грамматические погрешности и неверные интерпретации — как устаревшие, так и просто ошибочные.

Все это ставило перед издателем достаточно сложные задачи чуть ли не на каждой строке переводов; например, как надлежало бы поступить с присутствующими у В. К. Шилейко прочтениями ряда месопотамских слов, принятыми в ассириологии того времени, но с тех пор твердо обнаружившими свою ошибочность и замененными на новые, корректные прочтения (например, В. К. Шилейко, как было тогда принято, читал титул месопотамского правителя как «патеси», в то время как верное его чтение — «энси» и т. д.)? Общепринятого решения такой проблемы в отечественной традиции нет, поскольку и сама эта проблема перед издателями почти никогда не встает. При переиздании «Истории древнего Востока» Б. А. Тураева В. В. Струве вносил редакторские дополнения и исправления прямо в текст в квадратных скобках. В практике изданий отечественной классики, в том числе в серии «Литературные памятники», сходные проблемы решаются так: часть устаревших авторских написаний, не имеющая художественного значения и не характеризующая индивидуальную творческую манеру автора, без оговорок заменяется на современные написания, остальная сохраняется. Для издания АВЭ В. В. Емельянов избрал систему, лежащую в том же русле: заменять заведомо устаревшие чтения, если они не имели художественного значения, чтениями верными (то же «энси» вместо «патеси»), оговаривая, однако, такие замены в примечаниях. Эту систему мы считаем удачной: она не годилась бы для издания текста, имеющего значение лишь как памятник истории науки (тут было бы необходимо оставлять все устаревшие элементы в неприкосновенности), но оптимальна для издания переводов большого научно-художественного значения, сохраняющих актуальность прежде всего с художественной точки зрения и способных служить первым проводником современного читателя в мир месопотамской культуры, к соответствующим ее памятникам. Лучше, чтобы такой текст-«Вергилий» был очищен от заведомо устаревших элементов (которые к тому же с первого взгляда противоречат написаниям, уже знакомым современному образованному читателю), и соответствующие нюансы были перенесены в примечания из основного текста.

Подобные проблемы, зачастую не имеющие однозначного решения, вставали перед издателем постоянно. В итоге он избрал следующую стратегию, предопределившую характер издательского

подхода и комментария: 1) сохранить рукопись как единый текст, но при этом рубрицировать ее; 2) сопроводить издание обширным материалом, характеризующим заслуги Шилейко как ассириолога, переводческую манеру Шилейко и связь этой манеры с мировоззрением и переводческой техникой поэтов серебряного века; 3) дополнить текст подробным издательским комментарием, в котором следовало для каждого конкретного текста или корпуса текстов указать издания, по которым делался перевод, правильные варианты строк, прочитанных и переведенных неверно, и в некоторых случаях — правильные современные интерпретации отдельных сюжетов. При этом оставлялись без изменения анахроничные слова и идеи, иногда встречающиеся в переводах Шилейко. Устаревшие прочтения терминов, имен собственных и топонимов заменялись на современные в тех случаях, когда это не влияло на ритмику стихотворного перевода. Во всех других случаях оставлялись устаревшие чтения, а современные оговаривались в примечаниях.

Результатом стало рецензируемое издание, подготовленное на основе машинописных автографов, ныне хранящихся в Отделе рукописей РНБ. Оно состоит из полного текста рукописи Шилейко (в возвращении его читателю — главная и бесспорная, но далеко не единственная ценность издания), переписки 1940-х годов по поводу несостоявшегося издания текста, исследования жизни и творчества В. К. Шилейко на основе документов его личного архива (очерк «В. К. Шилейко и его «Ассиро-Вавилонский Эпос», с. 468–555), библиографического и филологического комментария к переводам (с. 571–613), полной библиографии работ Шилейко и исследований его жизни и творчества (с. 564–570), основных дат жизни и деятельности В. К. Шилейко (с. 556–563) и аннотированного указателя (с. 619–638). В. В. Емельяновым была проделана большая работа по сличению разных вариантов перевода с последующей критикой текста, а также выявлены многочисленные неточности, существующие в предыдущих публикациях некоторых текстов.

Издание сопровождается иллюстрациями, состоящими из фотографий и рисованных портретов В. К. Шилейко. В Приложении изданы художественные произведения самого Шилейко, созданные по мотивам клинописной литературы (с. 401–438). К ним дан подробный комментарий, и они определены как мастерски выполненный центон, состоящий из склеенных переводов различных вавилонских текстов.

Издатель впервые ввел в науку документы из личных архивов семей Шилейко и Лозинских. Особую ценность представляет публикация самой ранней рукописи перевода вавилонского текста «Нисхождение Иштар» (1914) и двух вариантов кор-

ректур его несостоявшейся публикации в журнале «Аполлон» осенью 1917 г. Интерес представляет также издание некоторых документов, касающихся студенческой жизни Шилейко. Письма по поводу издания книги Шилейко также публикуются впервые по рукописным автографам из архива семьи Шилейко. Между прочим, одно из этих писем (с. 459–460) окончательно уничтожает распространявшийся в околонулевой среде клеветнический слух о том, что И. М. Дьяконов якобы злоупотребил использованием выполненного В. К. Шилейко переводом «Эпоса о Гильгамеше». В названном письме вдова профессора Шилейко, обращаясь к молодому ученому Дьяконову в 1940 г., рассказывает ему об утрате рукописи этого перевода еще при жизни ее мужа. Таким образом, И. М. Дьяконов вообще не мог видеть этот перевод. Нет необходимости упоминать, что для всех лиц, знакомых с жизнью и деятельностью Дьяконова, обсуждаемого вопроса не существовало с самого начала, но исчерпывающее документальное доказательство в этой области безусловно полезно.

Из других черт издания отметим следующие. В. В. Емельянов дает подробное изображение биографии В. К. Шилейко не только как ученого, но и как представителя уникальной субкультуры, которую мы традиционно называем «серебряным веком». Приведенные материалы в достаточной степени выявляют особенности самого «героического» века ассириологии, в который проходило научное становление В. К. Шилейко (достаточно сказать, что в пору его обучения под руководством П. К. Коковцова последний придерживался старой теории Галеви, по которой особого шумерского языка не существовало, а соответствующие тексты представляли собой тайнопись носителей языка аккадского (с. 476); надо сказать, что позднее уже и сам П. К. Коковцов отказался от этой точки зрения). Адекватно и нюансированно, с нашей точки зрения, оказался решен достаточно простой вопрос об оценке и историческом месте В. К. Шилейко и его трудов. Катастрофические обстоятельства эпохи, на которую пришлось научная деятельность Шилейко, его ранняя смерть и разнообразие его интересов привели к тому, что, при всем значении

сделанного им вклада в науку, потенциал его во многом остался нереализованным (в частности, по мнению нескольких зарубежных и отечественных коллег¹). Время и обстоятельства сдачи АВЭ в печать обусловили специфику рукописи, которая, конечно, сама по себе не удовлетворяла и тогдашним требованиям к изданию корпуса перевода древних текстов (отсутствие комментария и лемм). Поэтому В. В. Емельянов взвешенно и дифференцированно представляет различные составляющие деятельности В. К. Шилейко: исключительно высоко оценивает и подробно характеризует его научные способности, блестящие ассириологические работы, культурологический вклад и художественно-поэтические достижения, освещает границы его реализовавшейся научной деятельности, подробно рассматривает (и также исключительно высоко оценивает) синтетическое научно-художественное значение переводов, представленных в АВЭ, оговаривая также встречающиеся в них погрешности (в том числе возникшие в тени самих переводческих методов В. К. Шилейко, иной раз жертвовавшего точным смыслом текста во имя яркого художественного образа и поэтической интуиции). Представляя и разрабатывая биографические материалы о В. К. Шилейко, издатель последовательно говорит о герое своего повествования в тоне глубокого уважения и восхищения, что не мешает фактической выверенности изложения его биографии.

Отдельно решается вопрос о причинах отсутствия в АВЭ комментария и большинства лемм к переводам. Совершенно невероятно, чтобы автор уровня В. К. Шилейко считал такой сопроводительный материал *ненужным* при первом масштабном представлении месопотамской культуры российскому читателю! Остается думать, что, насколько бы *нужным* ни полагал Шилейко такой комментарий, в тех обстоятельствах он счел его выполнение *невозможным*. О причинах этой невозможности остается только догадываться; В. В. Емельянов удачно предлагает следующее гипотетическое объяснение, полностью отвечающее общеизвестным фактам научной биографии В. К. Шилейко: по самому направлению своих изысканий он почти не касался на специальном уровне ни сложных и спорных

¹Письма Э. Ф. Вайднера и Ф. Тюрю-Данжена, содержащие суммарную посмертную оценку деятельности Шилейко (см. первопубликацию: Владимир Шилейко. Последняя любовь. М., 2003. С. 282 и сл., 287), исполнены безусловного уважения к нему как к ученому, но достаточно скупы и ординарны по содержанию; даже куда более яркий по выражениям некролог Шилейко, составленный А. П. Рифтиным (Там же. С. 286 и сл.), был оценен вдовой В. К. Шилейко следующим образом: «То, что он [Рифтин] написал... поразило нас всех своей сухостью, равнодушным тоном и даже неправильным освещением, так как получилось впечатление, будто Володя был талантлив, но ничего не успел сделать» (Там же. С. 291). В действительности А. П. Рифтин подобного не писал, но В. К. Андреева-Шилейко уловила именно то, о чем мы писали выше, — отразившееся в некрологе различие между оценкой способностей В. К. Шилейко и тем, что он «успел сделать» реально.

текстологических материй, ни истории и культуры Месопотамии II–I тыс. до н. э., сосредоточившись прежде всего на истории и хозяйственных текстах Шумера III тыс. Между тем комментарий к большинству текстов АВЭ требовал бы прежде всего именно подробного и специального проникновения в вышеуказанные сюжеты (с. 519). Очевидно, В. К. Шилейко не видел возможности осуществить такое проникновение на уровне тех высоких требований, которые он предъявлял к самому себе. От себя добавим, что в иные времена В. К. Шилейко, вероятно, нашел бы время и силы для того, чтобы восполнить этот пробел, но обстоятельства 1919–1920 гг., когда готовилась рукопись АВЭ, делали это почти невозможным физически — в силу пресечения доступа к «мировому банку» научной литературы и контактов с зарубежными коллегами. Не следует также забывать, что рукопись была предназначена для знаменитого проекта «Всемирная литература», возглавлявшегося М. Горьким; переводческая работа для этого проекта была для ее исполнителей в значительной мере делом выживания и предусматривала большую скорость сдачи крупных объемов текстов, не осложненных детальными научными рассуждениями.

Примечательные нюансы обнаруживает и печальная издательская (вернее, «не-издательская») история АВЭ. Если сначала, в самом 1920 г., для публикации этого текста от В. К. Шилейко не требовали ничего, кроме дополнения его несколькими предисловиями, то затем, после закрытия издательства «Всемирная литература», труд так и не вышел, хотя выполнителю вышеназванные требования 1920 г. В. К. Шилейко было бы, разумеется, очень легко (см. с. 509–516). Очевидно, в 1920-е годы новыми издателями к тексту были предъявлены более существенные (и вполне объяснимые) пожелания, а В. К. Шилейко не успел взяться за их выполнение до своей преждевременной смерти (условия его жизни и работы, состояние здоровья и напряженность его тогдашней деятельности делают это удивительным).

В целях дальнейшего совершенствования комментария при издании рецензируемого литературного памятника (а учитывая его значение и тираж в 3000 экз., дополнительное или новое издание в обозримом будущем оказывается вполне вероятным) можно было бы высказать также следующие пожелания.

В исследовании В. В. Емельянова о В. К. Шилейко — исследовании авторском и потому, естественно, субъективном во всех тех оценочно-биографических аспектах, в которых объективная оценка невозможна в принципе, — лучше было бы, на наш взгляд, четче разделить подобные аспекты и более «академическую» часть, где ставятся и решаются вопросы строго верифицируемые. Так,

оценка склада ума В. К. Шилейко и возможностей его дальнейшей работы, не скончавшись он в 1930 г. (с. 526), любопытна сама по себе и вполне уместна в биографическом очерке, но по определению не может иметь той доказательности и объективности, которую имеет, скажем, характеристика его научного развития, и эту разницу для читателя стоило бы оговорить специально.

Далее, оговаривая ошибочные (как устаревшие, так и неверные для времен самого Шилейко) места публикуемых переводов и указывая переводы верные (или предположительно верные), издатель редко приводит обоснования этих новых переводов. Само по себе это оправданно: понятно, что издание серии «Литературные памятники» было бы невозможно загромождать детальными ассириологическими разборами или ссылками по вопросам о переводе отдельных слов. Ассириолог и шумеролог в большинстве случаев и так поймут логику, по которой комментатор предпочитает тот или иной перевод, а неспециалисту и анализ ничего не скажет. Целесообразно было бы, однако, ввести в издание (с минимальными ссылками на лексикографическую литературу) общее разъяснение по поводу того, чем именно руководствуется издатель в своем выборе новых переводов взамен неверных и устаревших.

Объем реального комментария к затронутым текстами АВЭ сюжетам отвечает формату серии «Литературные памятники», не допускающего целостных очерков по истории и культуре той цивилизации, которую представляет публикуемый текст или корпус текстов; соответствующее соотношение текста и комментария давно апробировано в «Литературных памятниках» изданиях античных текстов. Однако именно в рамках традиции «Литературных памятников» была бы весьма желательна самая краткая сводная хронологическая таблица по истории (прежде всего династической) и культуре Месопотамии, схема месопотамского пантеона и схема месопотамской концепции мироустройства.

Наконец, укажем одну мелкую языковую двусмысленность: в аннотированном указателе на с. 625 о садовнике Ишуллану говорится как о человеке, «соблазнившем Иштар». Слово «соблазнивший» имеет два значения: (1) вызвавший (даже ненамеренно) чью-то страсть к себе; (2) добивавшийся и добившийся от кого-то любовной связи. Ишуллану, как известно «соблазнил» Иштар только в первом значении; после чего она попыталась «соблазнить» Ишуллану в значении втором, но безуспешно; это и составило суть месопотамского мифа об Иштар и Ишуллану. Не держащий всего этого в голове читатель может понять фразу противоположным ее истинному смыслу образом, решив что Ишуллану пытался «соблазнить» = добиться любви Иштар. Эту двусмысленность необходимо было бы устранить.

В целом нужно заключить, что российская культура значительно обогатилась оттого, что труд В. К. Шилейко, имеющий исключительно важное общекультурное значение, наконец-то дошел до читателя (хотя это, увы, и не то поколение читателей, которому автор его предназначал). Издатель проделал очень непростую текстологическую работу, впервые в такой полноте представив нам и художественные переводы Шилейко, и его самостоятельные произведения, написанные по мотивам этих переводов. Читателя же можно поздравить с выходом АВЭ как с новым крупным и плодотворным результатом в двух областях: в приобщении нашего современника к истории и культуре древ-

ней Месопотамии и в более глубоком ознакомлении его с замечательной фигурой В. К. Шилейко, чей жизненный и научный путь впервые оказался представлен с такой подробностью и полнотой. Хочется надеяться, что судьба этой книги, достойно пополнившей авторитетную серию «Литературные памятники», после десятилетий забвения сложится счастливо.

А. А. Немировский,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
(Москва)